

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО УК РФ И УК ФРГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А. Н. Ильяшенко,

доктор юридических наук, профессор, полковник полиции (ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», заместитель начальника по научной работе)

В современных условиях наблюдается тенденция роста напряженности между представителями различных социальных групп населения, объединенных признаками принадлежности к определенной расе, национальности, религии и т. д. При этом, данная напряженность нередко выливается в конфликты различного рода, зачастую имеющие общественно опасный характер. Серьезную озабоченность вызывают факты агрессии, обусловленные миграционными процессами, когда места традиционного проживания представителей одних национальностей, вероисповеданий, заселяются некоренными жителями.

Актуальность противодействия экстремистской деятельности обостряется с каждым годом. И это характерно как для России, с ее многонациональным и многоконфессиональным населением, так и для Европы, переживающей интенсивный приток иностранцев. В этой связи все отчетливее проявляется предупредительный потенциал уголовного законодательства, которое призвано оградить личность, общество и государство от наиболее крайних проявлений нетерпимости между представителями различных социальных групп.

В Российской Федерации данным вопросам в последнее время уделяется немало внимания, в том числе и на уровне законодательства. Значительным изменениям подвергся Уголовный кодекс, реформирование которого в этой части было

обусловлено стремлением минимизировать проявления экстремизма. На сегодняшний день УК РФ содержит значительное количество предписаний относительно запрещения экстремистской деятельности и преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем, представляется целесообразным провести сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за такие преступления по УК РФ и УК ФРГ.

Действующий УК РФ содержит определение преступлений экстремистской направленности, согласно которому таковыми признаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В УК ФРГ подобные дефиниции отсутствуют.

В УК РФ, также как и в УК ФРГ, уголовно-правовые запреты преступлений экстремистской направленности не сконцентрированы в каком-либо специальном разделе уголовного закона. В российском уголовном законодательстве ряд предписаний в этой сфере размещен в главе о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства. Так, ст. 282 УК РФ установлена ответственность за совершение действий,

направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации.

Подобный уголовно-правовой запрет сформулирован в §130 УК ФРГ в разделе 7 «Наказуемые деяния против общественного порядка», где определено наказание для лица, которое «способом, могущим нарушить общественное спокойствие, разжигает ненависть против части населения или призывает к насилию (актам произвола против нее); или посягает на человеческое достоинство другого таким образом, что этим подвергается поруганию, пренебрежительно представляется или очерняется часть населения».

Сопоставительный анализ указанных норм позволяет обратить внимание, прежде всего, на неодинаковый подход к размещению уголовно-правовых запретов на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Но при этом сложно охарактеризовать один из подходов более предпочтительным. Российский законодатель сделал акцент на том, что такие деяния направлены на общественные отношения, складывающиеся в связи обеспечением недопущения дискриминации, гарантированные Конституцией РФ. Между тем, неоспоримым является тот факт, что рассматриваемые проявления экстремистской деятельности безусловно нарушают общественный порядок.

Если в ст. 282 УК РФ прописывается принадлежность потерпевшего к определенному полу, расе, национальности, языку, происхождению, отношению к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, то в §130 УК ФРГ дискриминируемая сторона обозначена как «часть населения». Германский вариант видится более лаконичным и сохраняющим при этом смысловую нагрузку, идентичную соответствующим признакам в ст. 282 УК РФ.

Вместе с тем, в ч. 2 §130 УК ФРГ законодатель, наряду с признаком «часть населения», использует указание на национальную, расовую, религиозную группу или группу, определяемую какими-либо признаками народности. Думается, что одновременное использование обозначенных признаков является не вполне оправданным.

Несколько в более выигрышном свете представлено описание признаков объективной стороны преступления в §130 УК ФРГ, где вместо признака «вражда», используемого в ст. 282 УК РФ, законодатель оперирует признаками призывов к насилию или актам произвола. Термин «вражда» характеризуется избыточной оценочностью, образующей почву для произвольного толкования норм уголовного закона.

Следует отметить, что самостоятельной нормой германского УК регламентирована ответственность за изготовление, распространение, публичную демонстрацию экстремистских материалов (ч. 2 §130 УК ФРГ). По российскому УК лишь некоторые из перечисленных действий при наличии иных необходимых признаков могут быть квалифицированы как возбуждение ненависти либо вражды.

Примечательная норма предусмотрена в ч. 3 §130 УК ФРГ, где установлена ответственность за публичное одобрение, оспаривание или преуменьшение серьезности геноцида. При этом обязательным условием наличия состава преступления выступает факт совершения данного деяния лицом, руководствующимся идеями национал-социализма. В российском уголовном законе аналога такой нормы не предусмотрено, следовательно, совершение такого деяния само по себе ненаказуемо. Однако уголовная ответственность наступает, если лицо публично призывает к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

Вместе с тем, имеются основания утверждать, что нормы об ответственности за деяния в виде одобрения экстремистских идей и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности выступают специальными нормами по отношению к ч. 1 §130 УК ФРГ и ст. 282 УК РФ. Поэтому отсутствие подобных норм компенсируется соответствующими общими предписаниями.

Ввиду того, что преступления экстремистской направленности зачастую совершаются в составе различных объединений людей, уголовным законодательством РФ закреплена ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282² УК РФ).

В свою очередь, германский законодатель также признает данные деяния уголовно наказуемыми. При этом сравнительно-правовой анализ демонстрирует более гибкий подход, реализован-

ный в УК ФРГ. Во-первых, в этом нормативном правовом акте соответствующие положения размещены в отдельной главе под наименованием «Угроза демократическому правовому государству». Во-вторых, запреты деятельности экстремистских организаций охватываются более общими нормами, устанавливающими наказуемость деятельности любых противоправных организаций. Так, §84 УК ФРГ предусматривает уголовную ответственность за продолжение деятельности партии, объявленной антиконституционной. Отдельной нормой закреплена ответственность за деятельность иных объединений (§85 УК ФРГ).

Научный интерес представляют используемые в §85 УК ФРГ формулировки относительно признаков общественно опасных объединений. В частности, в п. 1 ч. 1 §85 УК ФРГ указывается на наличие однозначного решения (и вероятно документального) о том, что конкретная партия или объединение являются подобными запрещенной партии. При этом, в п. 2 этого же параграфа имеется ссылка на то, что конкретное объединение «однозначно запрещено, так как оно выступает против конституционного порядка или против идеи взаимопонимания между народами». В этой связи можно сделать вывод о том, что в случаях, когда деятельность определенного объединения направлена против конституционного порядка или против идеи взаимопонимания между народами, то оно автоматически является запрещенным. Уголовная ответственность за организацию деятельности экстремистской организации наступает

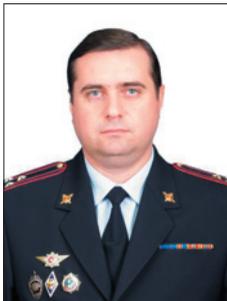
по УК РФ лишь при условии наличия вступившего в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Представляется, что рассмотренное предписание УК ФРГ в большей степени соответствует требованию адекватности современным вызовам экстремизма. Ведь, как известно, процедура судебных разбирательств нередко занимает продолжительное время, в течение которого деятельность экстремистской организации может наносить урон охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Отличительной чертой УК РФ в рассматриваемом сравнительно-правовом контексте необходимо признать нормативное закрепление экстремистских мотивов в качестве конструктивных (ч. 1 ст. 213 УК РФ) или квалифицирующих признаков многих преступлений (ст. 105, 111, 112, 115, 116 УК РФ и др.), непосредственно не связанных с экстремистской деятельностью. Данный подход не применен в УК ФРГ.

Таким образом, нормативная регламентация средств уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистской направленности в УК РФ и в УК ФРГ имеет ряд схожих моментов. В целом, наказуемость подобных общественно опасных деяний признана в обоих государствах. При этом сравнительно-правовое исследование норм об уголовной ответственности за экстремистские преступления выступает предпосылкой для дальнейшего совершенствования механизма предупреждения данных преступлений.

STRAFBARKEIT EXTREMISTISCHER STRAFTATEN NACH DEUTSCHEM UND RUSSISCHEM STRAFRECHT: EINE RECHTSVERGLEICHENDE ANALYSE

Professor Aleksej N. Ilyaschenko,

Doktor der Rechtswissenschaften (Д.Ю.Н.), Professor, stellvertretender Leiter für wissenschaftliche Arbeit an der Krasnodarer Universität des Innenministeriums (Russland)

Unter gegenwärtigen Bedingungen lässt sich die Steigerungstendenz von Anspannungen zwischen Vertretern verschiedener sozialer Bevölkerungsgruppen beobachten. Die jeweiligen sozialen Gruppen lassen sich nach Merkmalen der Abstammung, Nationalität, Religion usw. voneinander abgrenzen. Die Anspannung führt nicht selten zu Konflikten verschiedener Art, die oft einen allgemeingefährlichen Charakter haben. Ernste Sorgen bereiten solche Aggressionserscheinungen, die durch Migrationsprozesse bedingt wurden. Sie sind insbesondere dort zu beobachten, wo in den Wohnraum einheimischer Bevölkerung, die mehrheitlich einer Ethnie und Religion angehört, ein Zuzug von Menschen aus anderen Ländern stattfindet.

Die Aktualität der Extremismusbekämpfung verschärft sich von Jahr zu Jahr. Dies gilt sowohl für Russland mit seiner multinationalen und multireligiösen Bevölkerung als auch für Europa, das einen intensiven Zuzug von Ausländern erlebt. Umso mehr wird in dem Zusammenhang das präventive Potenzial von Strafgesetzen deutlich, die auf den Schutz von Personen, der Gesellschaft und des Staates ausgerichtet sind. Darüber hinaus haben sie die Aufgabe, Extremerscheinungen von Intoleranz zwischen verschiedenen sozialen Gruppen zu verhindern.

Den aufgeworfenen Fragen wird in der Russischen Föderation seit einigen Jahren viel Aufmerksamkeit gewidmet. Dies gilt auch für die gesetzgeberische

Ebene. Im Strafkodex wurden wesentliche Veränderungen durchgeführt, wobei die Reformen in dieser Hinsicht durch dem Zweck bedingt waren, die Extremismuserscheinungen zu minimieren. Gegenwärtig enthält der UK RF eine bedeutende Anzahl von Normen, die extremistische Tätigkeiten und extremistische Straftaten verbieten. Somit stellt sich die Zweckmäßigkeit einer rechtsvergleichenden Analyse von Strafbarkeit dieser Taten nach dem UK RF und dem StGB als geboten dar.

Der geltende Strafkodex der RF definiert extremistische Straftaten als Taten, die aus politischem, ideologischem, nationalem, rassischem oder religiösem Hass oder Feindseligkeit gegenüber einer sozialen Gruppe begangen wurden und durch die entsprechenden Normen des Besonderen Teils des UK RF sowie Art. 63 Abs. 1 Lit. «e» unter Strafe gestellt sind. Das StGB enthält dagegen keine entsprechenden Definitionen.

Sowohl im UK RF als auch im StGB sind die strafrechtlichen Verbote von extremistischen Taten nicht in einem gesonderten Abschnitt oder Kapitel enthalten. Im russischen Strafkodex ist eine Reihe von Vorschriften im Kapitel über Straftaten gegen verfassungsrechtliche Staatsgrundlagen und die Staatssicherheit zu finden. So ist im Art. 282 UK RF die Strafbarkeit der Taten festgehalten, die auf Hass- oder Feindseligkeitsverbreitung gerichtet sind und die Erniedrigung der Würde eines einzelnen

Menschen oder einer Gruppe von Personen bezwecken. Die Entwürdigung geschieht aufgrund der Geschlechts- oder Nationalitäts-, Rassenzugehörigkeit, Sprache, Abstammung, Einstellung gegenüber einer Religion, Zugehörigkeit zu einer sozialen Gruppe und findet in der Öffentlichkeit oder durch die Benutzung von Massenmedien statt.

Ein ähnliches strafrechtliches Verbot ist in § 130 StGB formuliert. Er befindet sich im Siebenten Abschnitt „Straftaten gegen die öffentliche Ordnung“ und stellt solche Handlungen des Täters unter Strafe, die geeignet sind, den öffentlichen Frieden zu stören, und zwar in der Weise, dass der Täter „...“

1. Zum Hass gegen Teile der Bevölkerung aufstachelt oder zu Gewalt- oder Willkürmaßnahmen gegen sie auffordert oder

2. Die Menschenwürde anderer dadurch angreift, dass er Teile der Bevölkerung beschimpft, böswillig verächtlich macht oder verleumdet...“

Eine gegenüberstellende Analyse der angeführten Normen ermöglicht vor allem die Feststellung, dass die Herangehensweise an die Platzierung strafrechtlicher Verbote der Hass- oder Feindseligkeitsverbreitung sowie der Erniedrigung der Menschenwürde unterschiedlich ist. Dabei stellt es sich als schwierig dar, die eine oder die andere Herangehensweise als vorzugswürdiger zu bezeichnen. Der russische Gesetzgeber betonte den Umstand, dass solche Taten öffentliche Beziehungen angreifen, die im Zusammenhang mit der Diskriminierungsverhinderung entstehen und durch die Verfassung der Russischen Föderation geschützt und gewährleistet sind. Jedoch bleibt dabei die Tatsache unbestritten, dass die betrachtenden Erscheinungen extremistischer Tätigkeit zweifellos auch die öffentliche Ordnung stören.

Art. 282 UK RF beschreibt die Angehörigkeit des Betroffenen zu einem bestimmten Geschlecht, einer bestimmten Nationalität, Rasse, seine Sprache, Abstammung, Einstellung zur Religion sowie Zugehörigkeit zu einer sozialen Gruppe. In § 130 StGB ist das der Diskriminierung ausgesetzte Objekt ein „Teil der Bevölkerung“. Dabei stellt sich die deutsche Variante lakonischer dar. Sie weist aber einen identischen Inhaltsgehalt wie Art. 282 UK RF auf.

Der deutsche Gesetzgeber nutzt neben dem Tatbestandsmerkmal „Teile der Bevölkerung“ den Hinweis auf die nationale, rassische, religiöse oder durch ihr Volkstum bestimmte Gruppe in § 130 Abs. 2 StGB. Fraglich ist, ob die Verwendung aller bezeichneten Merkmale sich auch als geboten erweist.

Die anderen objektiven Tatbestandsmerkmale des § 130 StGB stellen sich als besser gelungen dar. Anstatt des in Art. 282 UK RF verwendeten Merkmals „Feindseligkeit“ verwendet der deutsche Gesetzgeber das Merkmal der Aufforderung zu Gewalt- und Willkürmaßnahmen. Der Begriff „Feindseligkeit“ ist durch übermäßige Wertigkeit gekennzeichnet und dadurch für eine willkürliche Auslegung anfällig.

Man möchte anmerken, dass die Strafbarkeit für die Verbreitung, öffentliche Ausstellung, Vorführung oder Zugänglichmachung von extremistischen Schriften in einem eigenen Tatbestand geregelt ist, § 130 Abs. 2 StGB. Nach dem UK RF können nur einzelne von den genannten Handlungen als Hass- und Feindseligkeitsverbreitung gewertet werden. Die Voraussetzung dafür ist allerdings das Vorliegen von weiteren notwendigen Tatbestandsmerkmalen.

Eine bemerkenswerte Regelung enthält § 130 Abs. 3 StGB, der die Strafbarkeit für die öffentliche Billigung, Verleumdung oder Verharmlosung der während der NS-Herrschaft begangenen Verbrechen normiert. Die Tathandlungen setzen gewissermaßen voraus, dass das Tatsubjekt sich von den Ideen des Nationalsozialismus leiten lässt. Das russische Strafgesetz enthält keine ähnliche Norm, so dass solches Verhalten nach russischem Recht nicht strafbar ist. Jedoch ist die Handlung dann als strafrechtlich relevant zu bezeichnen, wenn der Täter zur extremistischen Tätigkeit aufruft, Art. 280 UK RF.

Zugleich scheint die Schlussfolgerung begründet, dass die Tatbestände der Billigung extremistischer Ideen und des Aufrufs zu extremistischer Tätigkeit Spezialtatbestände der § 130 Abs. 1 StGB und Art. 282 UK RF sind. Demzufolge wird das Fehlen entsprechender Tatbestände durch die allgemeinen Normen kompensiert.

Aufgrund des Umstands, dass extremistische Straftaten oft durch verschiedene Personenvereinigungen begangen werden, hat der russische Strafgesetzgeber die Strafbarkeit für die Bildung einer extremistischen Vereinigung, Art. 282¹ UK RF, und die Tätigkeitsorganisation einer extremistischen Vereinigung, Art. 282² UK RF, normiert.

Der deutsche Gesetzgeber betrachtet solche Handlungen ebenfalls als strafwürdig. Dabei zeigt die rechtsvergleichende Analyse, dass die Herangehensweise an eine Problemlösung im StGB wesentlich flexibler ist. Erstens befinden sich die entsprechenden Rechtsvorschriften im gesonderten Abschnitt „Gefährdung des demokratischen Rechtsstaates“.

Zweitens fallen die Tätigkeitsverbote für extremistische Vereinigungen in den Anwendungsbereich der allgemeinen Rechtsvorschriften, die die Fortführung einer verfassungswidrigen Vereinigung unter Strafe stellen. So normiert § 84 StGB die Strafbarkeit der Fortführung einer für verfassungswidrig erklärten Partei. Der Verstoß gegen ein Vereinigungsverbot ist in einem eigenen Tatbestand des § 85 StGB unter Strafe gestellt.

Von großem wissenschaftlichen Interesse sind die in § 85 StGB verwendeten Formulierungen hinsichtlich der Merkmale gesellschaftsgefährlicher Vereinigungen. Nach § 85 Abs. 1 Nr. 1 StGB muss im Verfahren nach § 33 Abs. 3 des Parteiengesetzes unanfechtbar festgestellt worden sein, dass es sich bei der Partei oder Vereinigung um eine Ersatzorganisation einer verbotenen Partei handelt. § 85 Abs. 1 Nr. 2 enthält einen Hinweis auf das unanfechtbare Verbot der Vereinigung, weil sie sich gegen die ver-

fassungsmäßige Ordnung oder gegen den Gedanken der Völkerverständigung richtet.

Im rechtsvergleichenden Kontext zeichnet sich UK RF dadurch aus, dass die extremistischen Absichten, die nicht unmittelbar mit extremistischer Tätigkeit verbunden sind, als konstruktive (Art. 213 Abs. 1 UK RF) und qualifizierende Merkmale (Art. 105, 111, 112, 115, 116 UK RF) differenziert werden. Im StGB findet diese Vorgehensweise keine Anwendung.

Abschließend kann festgehalten werden, dass die normative Reglementierungen strafrechtlicher Mittel zur Bekämpfung der extremistischen Straftaten im UK RF und im StGB einige Gemeinsamkeiten aufweisen. Die Strafbarkeit solcher gesellschaftsgefährlicher Straftaten ist in beiden Staaten anerkannt. Eine rechtsvergleichende Analyse bildet dabei eine Voraussetzung zur Weiterentwicklung und Verbesserung des Präventionsmechanismus hinsichtlich extremistischer Straftaten.